

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1906**

Выпуски 9-12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1906: Выпуски 9-12 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 676 с.

ISBN 978-5-458-46806-0

Оригинальное название: Русский архивъ. Историко-литературный сборникъ. 1906. Выпуски 9-12 «Русский архивъ» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартенев — историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартенев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартенева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартенев подобрал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартенева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартенева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-46806-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЗАПИСКИ ПРИСУТСТВУЮЩАГО ВЪ СВЯТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ ВСЕРОССІЙСКОМЪ СИНОДѢ *).

(Архіепіскопа Херсонскаго Никанора).

1887 г.

Разскажемъ сперва о томъ, какъ я наконецъ вошелъ въ Святѣйшій Синодъ. Случилось это 10 Іюня, въ Среду, ровно чрезъ недѣлю послѣ прибытія въ Петербургъ. Мнѣ напередъ разсказано было, что, по прибытіи въ синодскія палаты, я долженъ войти въ директорскую, откуда меня введутъ въ самый Синодъ, когда прибудетъ митрополитъ. Я прибылъ около полчаса 12. Митрополитъ Исидоръ въ обычное время, ровно въ 12. Н. П. Смирновъ, къ которымъ мы бесѣдовали, поднявшись, повелъ меня въ синодскую палату. При входѣ, по обычаю, предъ святою иконою я перекрестился, митрополиту и прочимъ отцамъ поклонился, поцѣловали другъ други руки. Митрополитъ говорить: «снимите камилавку..., поднимите персты кверху..., читайте присягу». Преосвященный епископъ Германъ возложилъ на себя епатрахиль въ качествѣ приводящаго къ присягѣ. Оба мы стали предъ оберъ-секретарскимъ пюпитромъ покрытымъ церковною пеленою, на которой возлежали крестъ и евангеліе, всегда стоящіе на синодскомъ столѣ. По окончаніи присяги, митрополитъ говорить: «поздравляю, садитесь», указывая стулъ возлѣ себя. Распорядокъ сидѣнія соблюдается теперь не обычный. Обычный долженъ бы быть таковъ: посреди залы виситъ портретъ царствующаго Императора, противъ него, во главѣ стола императорское кресло; по бокамъ синодскаго стола стоять по четыре кресла; члены должны бы сидѣть такъ: справа отъ императорскаго стула, на первомъ креслѣ, первенствующій митрополитъ, слѣва старѣйшій, за нимъ справа слѣдующій и т. д. Передъ столомъ стоитъ оберъ-секретарскій пюпитръ. Но такъ какъ первенствующій старецъ теперь тяжелъ на ухо и лучше слышитъ правымъ,

*) См. вторую книгу „Русскаго Архива“ сего года, стр. 355 и 427.

чѣмъ лѣвымъ ухомъ, то онъ и садится поближе къ докладывающимъ оберъ-секретарямъ, на послѣднемъ креслѣ справа; слѣва же, на послѣднемъ креслѣ, сидитъ преосвященный Германъ. Возлѣ митрополита, справа у стола, сижу я, и слѣва, на второмъ отъ конца креслѣ, сидитъ преосвященный экзархъ Павелъ. На креслѣ преосвященнаго Германа въ послѣдніе дни возсѣдалъ преосвященный Уфимскій Діонисій. У юпитра всегда стоитъ докладывающій оберъ-секретарь. Прочіе оберъ-секретари, дожидаящіе очереди доклада, всегда жмутся къ стѣнкѣ, всегда стоя. Директоръ синодальной канцеляріи, когда хочетъ, садится въ одно изъ кресель, стоящихъ у стѣны. Оберъ-прокуроръ и его товарищъ садятся, когда хотятъ, у своего оберъ-прокурорскаго стола, на первомъ креслѣ, стоящемъ во главѣ стола. Чиновники за оберъ-прокурорскимъ столомъ при мнѣ ни раза не сѣли. Вообще же оберъ-прокуроръ, его товарищъ, директоръ В. К. С. и вице-директоръ С. В. Керскій часто перемѣняютъ мѣста, подходятъ къ оберъ-секретарскому юпитру, когда хотятъ разъяснить что либо, чаще къ самому уху митрополита, при чемъ стараются выкрикивать каждое отдѣльно слово. Этимъ искусствомъ, какъ и многими пріятными искусствами, отличается особенно В. К. С.; онъ и не кричитъ, а какъ-то мягко внушаетъ слова и понятія, начиная всегда ласкательнымъ: «владыка»... Н. П. С. говоритъ вяло и тихо, но раздѣльно; К. П. сыплетъ скороговоркою; В. К. раздѣльно, толково и точно. Обсужденіе происходитъ такъ. Когда оберъ-секретарь доложитъ дѣло, старецъ-первенствующій почти всегда тутъ же и изрекаетъ рѣшеніе. Рѣшеніе многихъ обыкновенныхъ ходячихъ дѣлъ тѣмъ и оканчивается. Иногда же вставляются замѣчанія, чаще всего оберъ-секретарями, иногда вице-директоромъ, директоромъ, товарищемъ оберъ-прокурора; изъ присутствующихъ чаще всего преосвященнымъ экзархомъ Павломъ. Иногда преосв. Германомъ, какъ уже давними, привычными членами; я же, особенно въ присутствіи митрополита, больше помалчиваю. И молчаніе это не предосудительно, а даже похвально, такъ какъ разсужденія еще ни разу не касались догматическихъ или же каноническихъ моихъ возрѣній; а дадутъ ли тому-то дьячку медаль, или благословеніе съ грамотою, мнѣ какое дѣло. Да случается и такъ, что общее мнѣніе всѣхъ членовъ Синода остается втунѣ. Поднялся какъ-то вопросъ (но поднялся случайно, безъ особаго доклада) о переносѣ церкви С.-Петербургской Д. Семинаріи изъ стараго мѣста въ новостроющійся флигель (дѣло уже рѣшенное Синодомъ, и флигель уже строится); мы всѣ четыре присутствующихъ, со старцемъ во главѣ, высказались за оставленіе церкви на старомъ, любезномъ всѣмъ намъ, мѣстѣ. А новая церковь все-таки строится. Архіепископъ Ярославскій Іонафанъ представилъ въ Святѣйшій Синодъ ходатайство Ярославскаго духовенства о разрѣшеніи наимено-

вать новопостроенное епархіальное училище «Іонаановскимъ»; всѣ мы высказались противъ ходатайства; но былъ тутъ самъ Ярославскій архіепископъ и, слышно, ходатайствовалъ лично. Я подозреваю, что его личное ходатайство уважено имущими силу, если и не власть; а намъ и журнала о семь для подписи не подавали. Докладываютъ представленіе епископа Саратовскаго съ ходатайствомъ опредѣлить ректоромъ Семинаріи инспектора, протоіерея Из—ва, но лучше бы прислать монаха-архимандрита. Я указываю на смотрителя Херсонскаго д. училища, іероманаха Николая; разсудивши, всѣ согласились; присутствовалъ и товарищъ оберъ-прокурора Н. П. С. и не возражалъ. Но возражилъ, впрочемъ основательно, не присутствовавшій К-нь П-чь, оберъ-прокуроръ, и дѣло стало: въ Саратовъ ректоромъ будетъ утверждень Из—въ, а о. Николай, повидимому, получить назначеніе также на мѣсто ректора въ Вологду. А что мнѣніе юнѣйшаго члена, каковыхъ у насъ никто не спрашиваетъ, остается втунѣ, когда старѣйшіе, или же одинъ старѣйшій, старецъ-митрополитъ, рѣшаютъ иначе, это самое обыкновенное явленіе. Нельзя сказать однакоже, что наши голоса остаются совсѣмъ втунѣ; они все-таки содѣйствуютъ разъясненію текущихъ вопросовъ. О старцѣ-митрополитѣ Исидорѣ замѣтить нужно, что онъ олицетвореніе здравомыслія, опытность огромная и, повидимому, не слабѣющая память, въ словѣ остроуміе, почти всегда добродушное, въ сужденіяхъ мѣткость и зрѣлость, воспитанная сколько лѣтами и многолѣтнимъ опытомъ, столько же и природою. Эта естественная основательность, однакоже, при дипломатической гибкости, при полнѣйшемъ отсутствіи желанія прать противъ рожна. Поэтому, когда его желанія и мнѣнія не сходятся съ господствующими теченіями, съ ними, конечно, соображаются болѣе или менѣе, а затѣмъ такъ или иначе обходятъ и творятъ, еже хотятъ. Есть (движеніе пока тайно) одинъ вопросъ, по которому я собирался ратовать, собирался со страхомъ и тревогою, тѣмъ не менѣе сочту долгомъ присяги возвысить голосъ, конечно со всевозможною мягкостью, со всевозможными словоизвитіями. Дѣло заключается въ настоятельномъ ходатайствѣ военныхъ, подкрѣпляемомъ форменною бумагою Великаго Князя Владимира Александровича, чтобы Святѣйшій Синодъ разрѣшилъ творить заупокойныя молитвы о всѣхъ иновѣрцахъ-католикахъ, протестантахъ и т. п. Слышно, да и мнѣ извѣстно, что въ частныхъ случаяхъ владыка Исидоръ разрѣшалъ даже отпѣвать иновѣрцевъ. Говорятъ, будто настоятель Сергіевой пустыни, гдѣ похоронено столько бояръ иновѣрныхъ, начиная съ принцевъ Ольденбургскихъ, архимандритъ Игнатій, вовсе не стѣсняется чинить о нихъ заупокойныя поминовенія, конечно, съ вѣдома и благословенія владыки-митрополита Исидора. Слышалъ я секретно, что оберъ-

прокуроръ К—нъ П—чь держать бумагу Великаго Князя подъ сурдиной пока, затрудняясь доложить ее Святѣйшему Синоду. Бѣдствіе, если доложить.... Я [уже шепталъ кое кому, чтобъ не докладывали, аще возможно, да мимо идетъ отъ насъ чаша сія. Обаче, не якоже азъ хочу, но да будетъ воля Божія *).

Изъ замѣчательныхъ засѣданій и сужденій Святѣйшаго Синода было, когда докладывали результаты, добытые ревизіею Вологодской Семинаріи. Докладывалъ самъ же ревизоръ С. В. К—ій, докладывалъ подробно, обстоятельно, съ представленіемъ фактическихъ доказательствъ, особенно въ письменныхъ объясненіяхъ прикосновенныхъ лицъ. Дѣло въ томъ, что ректоромъ этой Семинаріи былъ вдовецъ, протоіерей Л—въ, котораго преосвященный Амвросій Харьковскій просилъ себѣ въ викарія. Инспекторомъ же въ эту Семинарію прислали изъ Литвы іеромонаха Каллиста или Климента (имя его забылъ). Инспекторъ сразу вступилъ въ препирательство съ ректоромъ, сталъ укорять ректора въ хищеніяхъ, даже въ нечистой жизни; а ректоръ-то весьма дѣльный и возвысилъ порядокъ по семинарской экономіи, съ увеличеніемъ даже средствъ. А между тѣмъ инспекторъ ѣлъ открыто въ публикѣ мясо въ посты, гулялъ по улицамъ и бульварамъ, ходилъ въ торговую баню, предавался игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ, надъ учениками надзиралъ слабо, возлагалъ всѣ обязанности надзора на своихъ помощниковъ; никогда не бывалъ съ учениками даже на молитвѣ. Въ Синодѣ сидѣло насъ трое: экзархъ, я и преосвященный Германъ. Владыка же митрополитъ въ эти дни уѣзжалъ въ Званку, святить церковь. К. П., пока докладывались другія обычныя дѣла, сидѣлъ въ директорской, занимаясь дѣлами; когда же начался докладъ по дѣлу Вологодской Семинаріи, вошелъ къ намъ и смирно сидѣлъ на своемъ креслѣ. Когда докладъ пришелъ къ концу, и выяснилось, что инспекторъ-монахъ кругомъ виноватъ, К—нъ П—чь подскочилъ къ нашему столу и съ выразительными жестами заговорилъ: «А все это владыка Московскій. Окружилъ себя родствомъ въ Москвѣ. Всюду подкатываетъ племянниковъ, да племянницъ. И въ Вологду заѣхала одна его племянница, тамъ за наставникомъ Семинаріи М. Инспекторъ сдружился съ этимъ М., и оба они одни въ цѣлой Семинаріи возстали противъ ректора. А М.-то этотъ пьяница и племянницу митрополита безощадно бьетъ. Произведена одна ревизія. Инспекторъ виноватъ, ректоръ правъ.

*) Митрополитъ Іоаннннй такъ и не дозволялъ отслужить въ Москвѣ торжественную панихиду по схороненномъ на островѣ Эзелѣ бывшемъ начальникѣ Московскаго военнаго округа А. И. Гильденштубе; въ частномъ домѣ можно, но въ собраніи общественномъ не подобеть. П. Б.

М. пишетъ къ дядюшкѣ Московскому. Тотъ: «не можетъ быть; инспекторъ правъ, ректоръ виноватъ». Нечего дѣлать, послали другую ревизию. Ну, и вотъ вамъ результаты!.. Охъ, ужъ эти мнѣ родственнички архіерейскіе». Когда мы выходили изъ засѣданія, К—нъ П—чъ, иди со мною рядомъ до синодской приѣмной, говорилъ мнѣ въ полголоса: «Заведется вотъ у инаго архіерея одинъ родственничекъ; да и тотъ бѣдъ надѣлаетъ цѣлую гору. Вотъ А. Пензенскій привезъ съ собою немного, одного только племянника-діакона; такъ тотъ съ первыхъ же дней сталъ въ воротахъ архіерейскаго дома да и протягиваетъ руку, такъ что ни войти, ни выйти нельзя, не ублаготворивши протянутую руку архіерейскаго племянничка». Вотъ, думаю себѣ, и секретъ, по которому оберъ-прокуроръ ѣдетъ въ Пензу, на жительство, чуть ли не на мѣсяць. Въ этотъ же разъ, уже въ самомъ выходѣ на лѣстницу, К—нъ П—чъ расписываетъ мнѣ: «Тамъ, у васъ въ Одессѣ была одна моя родственница. Заѣхала въ Успенскій монастырь. Пишетъ, что увидѣла въ церкви полнѣйшій безпорядокъ. Монахи вели себя не благоговѣнно и безпорядочно. Были причастники; по причащеніи, одинъ монахъ выпелъ и крикнулъ на всю церковь: «эй, всѣ ли причастились?» Нѣкоторые подошли еще; но ихъ причастили уже по отнесеніи св. даровъ». Я говорю: «это бываетъ». «И самъ я знаю, что бываетъ. Но преосвященный Мемнонь?» Я говорю, что я не даромъ хвалю преосв. Мемнона; онъ человѣкъ богомольный; ежедневно за всякою службою бываетъ въ церкви, но быть можетъ не силенъ установить строгій порядокъ въ братіи. Да и братія-то старикъ на старикъ, старцы совсѣмъ дряхлые, простые.

«Да, преосвященный Мемнонь есть звонъ которому другой долженъ давать тонъ», шутила К—нъ П—чъ.

Въ тотъ же разъ, не знаю зачѣмъ, онъ шепчетъ мнѣ: «несчастный этотъ Новосельскій, Боже мой! Да помочь же ему нельзя. Вѣдь, онъ человѣкъ большаго размѣра. Да, прожилъ миллионы. Пустилъ по міру не одного миллионера. Примѣръ—Л—ій*); а ни одинъ изъ его кліентовъ не хочетъ протянуть ему руку помощи. И вѣдь, представьте, человѣку просто ѣсть нечего».

Слово о Николаѣ Александровичѣ Новосельскомъ. Въ день, когда я впервые вступилъ въ Святѣйшій Синодъ и въ ожиданіи ввода сидѣлъ въ синодской директорской, бесѣдуя съ Н. П. С—мъ, сей послѣдній коснулся Н. А. Новосельскаго, какъ моего знакомаго. На мой вопросъ, чтѣ съ нимъ, какъ онъ поживаетъ, Н. П. рассказалъ: «Плохи его дѣла. Относительно своихъ угольныхъ копей онъ вошелъ въ соглашеніе съ

*) Лярскій или Январлярскій? П. Б.

NN (имени не помню). Вдвоемъ они дали въ сильныхъ сферахъ взятку въ 800000 руб.—«Боже мой, въ 800000!»—«Да, въ 800000. А тамъ въ Министерствѣ Двора для нихъ ничего и не сдѣлали. Теперь они хотятъ судиться».—«Ужели же берутъ въ высшей инстанціи (названо было имя)—«Ну, въ высшей, не въ высшей, а въ подчиненныхъ возмутъ»—«И высшимъ передадутъ?»—«Ну, ужъ это кто ихъ знаетъ». Черезъ нѣсколько дней пожаловалъ ко мнѣ самъ Николай Александровичъ. При первомъ взглядѣ кидалось въ глаза, что онъ одѣтъ бѣдно, по лѣтнему, но во всемъ помятомъ. А разсуждаетъ, какъ государственный человѣкъ, какъ высшій умъ, освѣдомленный обо всемъ въ самыхъ высшихъ сферахъ. «Ну, что?»—«Плоховато. Этотъ Вышнеградскій обѣщаль, не надежду подавалъ, а обѣщаль, когда восходилъ на министерство, обѣщаль много. А теперь снюхался и молчитъ. Пока все по старому. Ничего не замѣтно».—«Ну, а нашъ К—нъ П—чъ?»—«Единственный человѣкъ, который говоритъ Государю правду, не смотря ни на что. Единственный искренній проводникъ къ Государю нуждъ и желаній народа. Умри этотъ человѣкъ, не останется у престола ни одной души, которая была бы этимъ проводникомъ».—«Ну, а...?» «О, жизнелюбецъ. Онъ говоритъ: знаю мое военное дѣло. Я не хочу быть К. Н. Опытъ поучителенъ».—«А М. Н.?»—«Ума мало; да и любить либеральничать. Весь Государственный Совѣтъ у насъ состоитъ главнымъ образомъ изъ лицъ набора К. Н. Все это большею частью юристы; частью военные. У военныхъ ума мало, да они и либеральны. Юристы же гнутъ на свою сторону. Къ нимъ пристають военные. Всѣ они вмѣстѣ увлекають нерѣдко и предсѣдателя. Остается П—въ и немногіе другіе, маленькая улика».—«А графъ Т—ой?»—«Умень-то онъ, умень, но жить хочетъ. Труда не хочетъ. Дорожить своимъ положеніемъ. Послѣ насъ трава не расти».—«Скоро онъ умретъ? Правда ли, что онъ такъ боленъ?»—«Кто его знаетъ. Просто не хочетъ работать и запирается. Говорятъ: боленъ; а поди тамъ разбери. Я вамъ скажу, батенька: плоховато у насъ, шатко. Всѣ государственныя цѣнности шатаются; состоянія колеблются и падаютъ; принципы исчезаютъ, и всякій норовитъ захватить блага міра, елико можетъ награть, елико рука захватитъ. Хищничество-главный стимулъ теперешней общественной жизни». Общимъ заключительнымъ освѣщеніемъ этой личности было сообщеніе К-на П-ча, что онъ, бывшій милліонеръ и всегдашній благородный человѣкъ—теперь нищій, ѣсть нечего.

Теперь и объ обѣдцѣ скажемъ; но предварительно сказаніе о нашемъ проповѣдничествѣ въ Петербургѣ.

Надо имѣть въ виду, что не сильную, коренную, а главную жи-

вую силу въ синодскомъ управленіи представляетъ въ своемъ лицѣ В. К. Саблеръ. Несомнѣнно отъ него исходить сила многихъ начинаній. Онъ же должно быть главная причина и моего вызова въ Святѣйшій Синодъ и преосвященнаго Діонисія, епископа Уфимскаго. Онъ же и тутъ въ Петербургѣ направляетъ наши судьбы. Между прочимъ, узнавъ отъ меня, что я намѣренъ открыть чтенія акаѳистовъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ церкви своего подворья, онъ внушаетъ: «и проповѣдывать будете?»—«А отчего бы?»—«Противно стариннымъ канонамъ и новѣйшимъ Петербургскимъ обычаямъ».—«Какимъ бы это?»—«Здѣсь чужая, не моя епархія; а по стариннымъ канонамъ нельзя учить народъ чужому архіерею въ чужой епархіи. И въ Петербургѣ были прецеденты подобнаго рода; именно присутствовавшей въ Святѣйшемъ Синодѣ, Θεофилактъ Русановъ, архіепископъ Рязанскій, человекъ ученый и умный, открылъ было рядъ собесѣдованій съ народомъ у себя, на подворьѣ; такъ, ему запрещено было это митрополитомъ Амвросіемъ Подобѣдовымъ, котораго руководилъ въ этомъ случаѣ Филаретъ, ректоръ Академіи, впоследствии митрополитъ Московскій».—«Да, здѣсь, возражаетъ Владимиръ К—чъ, преосвященный Леонтій постоянно поучалъ»—«Очень можетъ быть; но думаю, что преосв. Леонтію позволялось это по особой близости его къ старцу-митрополиту Исидору».—«Повѣрьте, увѣряетъ В—ръ К—чъ, старецъ такъ толерантенъ, имѣетъ такія широкія воззрѣнія, до такой степени не любитъ полагать преграду чему либо хорошему, что онъ ничего противъ этого не скажетъ. Стоитъ только доложить ему объ этомъ». А надо сказать, что, уѣзжая сюда изъ Одессы, я уже навѣшивался навсегда смежить свои уста, потому что уже голова слабѣетъ; потому что, сказать правду, написано и напечатано мною довольно, славы заслужено уже довольно, лучшаго не дослужишься, а скорѣе переживешь себя, какъ вообще старцы себя переживаютъ; почему и Филаретъ въ послѣдніе годы жизни уже ничего не говорилъ съ каѳедры и не печаталъ. Миѣ не хотѣлось начинать здѣсь, въ Петербургѣ, свое проповѣданіе сколько по личнымъ моимъ соображеніямъ, какъ по условіямъ уже моего возраста и преднамѣренности моихъ занятій. Я пробую смягчить В—ра К—ча: «А по книгѣ прочитайте что либо позволительно?»—«Нѣтъ, живое слово, пожалуйста, живое слово! Вѣдь народъ жаждетъ; всѣ замолчали», — «Г-мъ!» Нелегкая, сложная, щекотливая задача. Бду къ преосв. Герману, моему товарищу, тонкому и осмотрительному уму, съ сообщеніемъ и за совѣтцемъ. «Представьте, вотъ В—ръ К—чъ предлагаетъ то-то и то-то, проповѣданіе за всякою вечернею, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Раасказываю, что и какъ говорилось. Подумавши, преосв. Германъ говоритъ: «Знаете, совѣтую вамъ уклониться. Начавъ это дѣло,

вы натерпитесь хлопотъ и непріятностей. Ну, преосвященный Леонтій, извѣстно, въ чемъ состоитъ его проповѣдничество! Много не думая, выйдеть, скажетъ простое назиданіе, и аминь. А вы, вѣдь, будете проповѣдывать, какъ Всероссійская извѣстность; васъ кинутся слушать, какъ знаменитаго проповѣдника; вы возбудите около себя большое любопытство, особый интересъ. Хорошо, коли удовлетворите напряженности ожиданія; но во всякомъ случаѣ возбудите сильную и, вѣроятно, въ нѣкоторыхъ и злостную критику. Не обольщайтесь, не думайте, что всѣ въ восторгѣ отъ вашего проповѣдничества. Сообразите и то, что въ Петербургѣ живутъ и другіе архіереи, митрополиты; тѣ не проповѣдуютъ, а вы же что? Въ силу какого это права именно вы будете выставляться? Нѣтъ, никакъ не совѣтую!» Разумность этого совѣта была очевидна, да по моимъ расчетамъ и совершенно мнѣ сочувственна. Но чрезъ нѣсколько дней В—ръ К—чь возвращается къ тому же предмету. Да и я кстати подумалъ и надумавши говорю: «Пожалуй, я могъ бы начать рядъ собесѣдованій, именно въ систематическомъ порядкѣ, рядъ собесѣдованій апологетическаго содержанія. Взялъ бы какую нибудь изъ апологій и бралъ бы по порядку отдѣльныя раскрытыя въ ней темы, а придѣлать къ готовой темѣ приступъ и краткое нравственное приложеніе, это не составило бы труда». — «И прекрасно!» — «Но самъ я, говорю я, ни за что не возьмусь говорить объ этомъ со старцемъ-митрополитомъ. А не угодно ли вамъ заикнуться? Посмотримъ, что онъ скажетъ». — «Я увѣренъ, что старецъ ничему доброму не помѣшаетъ», увѣряетъ себя и меня В—ръ К—чь. «У него такія широкія воззрѣнія. Преосвященный Леонтій говоритъ же» и т. д. Черезъ день, черезъ два пріѣзжаетъ опять и говорить: «Говорилъ со старцемъ. Онъ не прочь. Но вы сами къ нему съѣздите, онъ охотно согласится». Прекрасно. Я писалъ, что В. П. Базилевская и Н. Н. Маслова, сдѣлавъ мнѣ визитъ, рассказали, какъ владыка-митрополитъ, шутя, высказалъ: «пусть самъ сдѣлаетъ обѣдъ, такъ мы его и поздравимъ». Надежда Николаевна, забѣжавъ опять ко мнѣ послѣ какого-то богослуженія, повторяетъ: «не забудьте же объ обѣдцѣ». Когда я прибылъ со вторымъ визитомъ къ В. П., она повторяетъ тоже: «не забудьте объ обѣдцѣ». Оказывалось неизбѣжнымъ заговорить объ этомъ обѣдѣ со старцемъ.

Кромѣ того очень давно я навѣсилъ, если попаду въ Петербургъ, отслужить заупокойную литургію въ память всѣхъ моихъ Петербургскихъ воспитателей, наставниковъ, товарищей, сослуживцевъ, близкихъ и знаемыхъ, которые почти всѣ и легли своими костями на новомъ Александровскомъ кладбищѣ, что за лаврскимъ соборомъ. Это поминовеніе я навѣсилъ учинить 11 Юля, въ день благовѣрныхъ княгини Оль-